

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ

Концептуализация – ментальная операция, присущая *homo sapiens* изначально, поэтому и восходит она к глубокой древности. Этой операции подвергаются и подвергались как языковые знаки, не имеющие денотата, согласно треугольнику Морриса (*счастье* и др.), так и имеющие денотат (*деньги* и др.) Концептуализации может быть подвергнуто практически все в зависимости от желания говорящего, который выбирает для себя доминанту и наделяет ее собственным субъективным смыслом. Это может быть и прецедентный текст, который также выбирается по собственному желанию, в силу чего в наших концептуальных картинах мира «живут» древнейшие концепты. По этой причине концепт нередко отождествляется с понятием, хотя это не только понятие. В настоящее время принято различать *conceptus* и *conceptum*.

Ментальная деятельность человека очень сложна. И концептом может стать явление невербальное [1]. Для многих концептом стал балет «Лебединое озеро», который ассоциируется с ГКЧП, но если этого не знать, то и концепт либо будет другим (к примеру, кто-то пережил особые концептуальные события, связанные с этим балетом), либо, если человек ничего не знает о балете, то и концептуализировать его не будет.

Многие концепты восходят к глубокой древности, на протяжении веков являются доминантами концептуальных картин мира человечества, объединяющим фактором его развития. Прежде всего на них и их моделировании хочется остановиться, так как это и определило главенствующую роль концептологии в эпоху глобализации.

Мыслители древности, в том числе «семь мудрецов Греции» в 7 в. до н. э. оставили нам дожившие до нашего времени концепты, в том числе и большие концепты (термин Ю.С. Степанова). В 4 в. до н. э. Аристотель профилировал (в современном понимании) концепт *счастье*, после чего каждый из нас на протяжении многих веков отвечал на вечный вопрос *что такое счастье*, в том числе в школьных сочинениях, которые, кстати, также являются моделированием данного концепта.

Мы уже подчеркивали, что концепт так же трудно поддается определению, как и слово и предложение [2, с. 210]. Истоки концептуализации восходят к глубокой древности и там теряются, но некоторые ученые связывают это явление с именем Пьера Абеляра, французского философа (1079 – 1142). Считается, что «в споре о природе универсалий Абеляр развил учение, названное позже концептуализмом» [3, с. 207]. Действительно, в его произведениях указывается: «Если в какой-либо книге что-то поражает нас как абсурдное, то не будем спешить говорить: «Автор этой книги не придерживался истины». Куда справедливее и уместнее признать, что в рукопись вкралась неточность, или истолкователь

ошибся, или мы сами не до конца понимаем читаемое» [3, с. 207]. И далее: «Сделав попытку доказать, что одни и те же слова употребляются различными авторами в различных значениях, мы легко отыщем решение многих противоречий» [3, с. 208]. Более того, Абельяр считал необходимым обучать концептуализации: «Нынешние школы никчемны по результату. Преподается только умение складывать слова без понимания, как будто для овец важнее блять, чем кормиться [3, с. 208]. Как и сейчас не вспомнить Абельяра?

О концептуализации, не употребляя термин «концепт», которого еще не было, писали многие и в частности немецкий философ XVIII в. Артур Шопенгауэр, чьи работы в эпоху концептуализма становятся все более прецедентными. В частности он писал об образе («в котором каждый со своей точки зрения (! – С.П.) усматривает нечто другое, но в то же время все уверены, что видят одно и то же» [3, с. 514].

Термин концепт закрепился в науке в XX в. и стал одним из основных, без которых современная наука уже существовать не может. В XX в. началось описание профилирования концептов, хотя профилировали их и древние мудрецы, ведь их субъективная концептуализация способствовала формированию концептуальных картин мира людских сообществ. Примечательно, что она дожила до настоящего времени и по-прежнему влияет на концептуальные картины мира носителей разных языков. Часть больших концептов уже утратила авторство и помещена в Энциклопедии мудрости в разделе «Афоризмы древнего мира»: *Две ошибки совершил творец: создал женщин и золото; Для жадного нет дельного и недельного, нет славного и позорного, нет доброго и злого – для него есть только выгодное и невыгодное; Справедливость всегда бессмертна; Вспыльчивый никогда не познает истину; Жадность бездонна... Корыстный часто не знает, чего он хочет, и единственное, что его ждет – это конечная неудача; Жестокость – даже к злым – ведет в ад. Что же говорить о жестокости к добрым?; Живи в молодости так, чтобы быть счастливым к старости; Истинно великий не может быть жадным; Кто расставляет сети, сам в них попадет; кто роет яму, сам в нее свалится, кто точит меч, сам от меча погибнет, кто убивает, тоже будет убит; Кто приказывает убить, тоже будет убит по приказу; Лучшие враждовать с умным, чем дружить с дураком; Несотворение зла, достижение добра, очищение своего ума – вот учение просвещенных; Нет преграды, равной преграде невежества; Лишь собственные дела ведут человека к почету или презрению; Побеждай жадного деньгами, гордого – мольбой, глупого – потворством, мудрого – правдивостью; Подражай хорошему даже во врагах, не подражай дурному даже в родителях; Поступай с человеком так, как он сам поступает с другими; Разум дороже всех богатств мира; Самое лучшее – разум; Спокойствие страны – в справедливости; Только богам открыты предначертания судьбы; Только тот истинно учен, кто хорошо поступает; Ценность человека познается после его смерти; Чтобы сохранить друзей, надо прощать [3, с. 6–24].*

Как следует из перечисленных примеров, все эти большие концепты и другие (по Ю.С. Степанову) оказали огромное влияние на концептуальные картины мира носителей разных языков, нашли отражение в пословичных картинах мира, художественных и философских произведениях и т.д. Моделирование больших концептов сводилось чаще всего к разным типам предложений, часть из которых были местоименно-соотносительными: *Кого боги задумали погубить, того они лишают рассудка, и все представляется ему в ложном свете; Кто не желает зла обидчикам, тому завидуют боги; Добродетель в том, чтобы делать для других то, чего желал бы самому себе; Где чтят недостойных и презирают достойных, там находят себе прибежище трое: голод, смерть и страх; Тот, кто приобрел богатство через грех и радуется, пусть знает, что эта его радость – хуже несчастья.*

Часть местоименно-соотносительных предложений моделируется как вопросительные с целью выработки активного отношения слушателя и читателя к предложенной концептуализации: *Что пользы от науки тому, у кого нет ума?; На что зеркало тому, кто лишен глаз?; Что пользы от учености, направленной на зло?*

В местоименно-соотносительном предложении в качестве маркера концептуализации находим я называю: *Я называю брахманом того, кто знает свое прежнее существование и видит небо и преисподнюю.* В настоящее время в разных языках много маркеров концептуализации, которые называют также маркерами собственного мнения.

Следует обратить внимание на то, что концептуализация может быть выражена и целым текстом, на что обращают внимание многие концептологи, в том числе Ю.С. Степанов, и в частности стихом:

*Ученостью зря не кичись!
Не считай, что один ты всеведущ!
Не только у мудрых –
У неискушенных совета ищи [3, с. 22].*

Таким образом, истоки концептуальной поэзии – в глубочайшей древности. Совершенно неслучайно в древности полагали, что без обучения поэзии обучение наукам не может быть полным. Приведем примеры концептуализации более позднего времени:

*Как нужна для жемчужины полная тьма,
Так страданья нужны для души и ума.*

Это Омар Хайям (1048 – 1131), который является непревзойденным мастером концептуализации и позволил себе концептуализировать и собственное имя:

*Я есмь я. И болтайте себе что хотите!
Я останусь Хайямом. Воистину так!*

Таким образом, в глубокой древности были заложены основы моделирования концептов, в том числе больших концептов, а позже и концептов личного имени, в том числе и своего..

Еще задолго до Аристотеля появилась модель концептуализации с помощью конструкции $N_1 - N_1$, которая легла в основу концептуальной метафоры и получила позже название аристотелевой формулы. В

доказательство приведем наиболее древние примеры: *Хорошая жена – шесть лиц в одном; Хозяйка дома – вот что такое дом; Украшение человека – мудрость, украшение мудрости – спокойствие, украшение спокойствия – отвага, украшение отваги – мягкость* [3, с. 22]; *Терпение – добродетель слабого и украшение сильного* [3, с. 21]; *Судьба – царь над всеми и всем* [3, с. 20]; *Беспричинная ссора – вот признак глупости* [3, с. 6].

К глубокой древности восходят и антонимические концепты (термин Н. Погребной), которые не так редки: *Мудрые отдают время поэзии и наукам, глупые – порокам, сну и ссорам* [3, с. 14]; *Глупец суетится вовсю, затеяв пустяк, умный сохраняет спокойствие, берясь за великое дело* [3, с. 7]; *Истинно великий не может быть жадным* [3, с. 12]; *Лучшие враждовать с умным, чем дружить с дураком* [3, с. 13]; *Разумный оценивает по собственному суждению, глупец доверяет молве* [3, с. 20]; *Женщины учены от природы, мужчины – от книг* [3, с. 10].

Таким образом, антонимический большой концепт сформировался в глубокой древности, стал заметным явлением в пословичных картинах мира и занимает особое положение. Приведем пример антонимического концепта А. Шопенгауэра: *Глупец гоняется за наслаждениями и находит разочарование, мудрец же только избегает горя* [3, с. 503].

Пожалуй, чаще всего в глубокой древности концептуализировали *мудрость, ум и глупость*, что и до сих пор выступает в качестве доминантных концептов. Приведем примеры: *Мудрые сдержанны во всем; Мудрый не оплакивает ни умерших, ни живых; Мудрый не горюет о потерянном, об умершем и о прошлом. Тем он отличается от глупца; Мудрый не ведает печали* [3, с. 14].

Нельзя не обратить внимание на большой концепт *Герой, ученый и красавица куда бы ни пошли, везде найдут приют* [3, с. 7].

В разделе «Афоризмы древнего мира» из Энциклопедии мудрости в качестве доминантных концептов чаще всего выступают *мудрость, разум, ум, глупость, жадность, красота, доброта, время, истина, судьба, счастье, дом, жена, женщина, мужчина, друг, добро, зло, дружба, страдание, молчание, труд, мир, отвага, смелость, любовь, свобода, наука, надежда* и некоторые другие. Встречается концептуализация жизни: *Помни: только жизнь имеет цену!* [3, с. 19], а также концептуализация государственного устройства: *Не живи в стране, которою никто не правит, правят многие, правит женщина или правит дитя* [3, с. 15].

В глубокой древности также начали концептуализировать человеческий возраст: *До пяти лет обращай с сыном как с царем, с пяти до пятнадцати – как со слугой, после пятнадцати – как с другом* [3, с. 8]. Интересна концептуализация возраста Конфуцием (551 – 479 гг. до н. э.): *В 15 лет я направил свои помыслы на учение, в 30 лет – определился, в 40 – не сомневался, в 50 – познал Судьбу Неба, в 60 обрел смирение, в 70, следуя тому, что желало мое сердце, – не переступал меры; Тот, кто дожив до сорока лет, вызывает лишь неприязнь – конченный человек* [3, с. 44].

Приведем пример из А. Шопенгауэра: *Первые сорок лет нашей жизни составляют текст, а дальнейшие тридцать лет комментарии к этому тексту, дающие нам понять его истинный смысл* [3, с. 511].

Из изложенного следует, что в глубокой древности были заложены основы концептуальных картин мира, выявлены доминантные концепты, которые уточнялись на протяжении жизни человечества. Происходят постоянные изменения в концептуализации доминантных концептов, разного рода уточнения, выявляются альтернативные миры и т.д. Приведем несколько примеров. Прежде всего относительно счастья и несчастья (иногда первое определяется как благо): *Богатство и постоянное здоровье, друг и сладкоречивая жена, послушный сын и полезное знание – вот шесть благ в этом мире; В ком истина и дхамма, тот счастлив и тот брахман* [3, с. 6]; *Несчастен тот, кто не переносит несчастья* [3, с. 30, Биант из Приены]; *Кто счастлив? – Тот, кто здоров телом, одарен спокойствием духа и развивает свои дарования; Как легче всего переносить несчастья? – Если видеть врагов своих в еще худшем положении* [3, с. 32, Фалес из Милета]; *Избери себе друга, ты не можешь быть счастлив один: счастье есть дело двоих* [3, с. 52, Пифагор]; *Счастье – это хорошее расположение духа, благосостояние, гармония, симметрия и невозмутимость* [3, с. 66, Демокрит]; *На вопрос, кого можно считать счастливым, Сократ ответил: «Того, у кого честный образ мыслей и острый ум»* [3, с. 74]; *Мудрость – родная мать счастья; Не помогает счастье нерадивым; Ум, несомненно, первое условие для счастья* [3, с. 75, Софокл]; *Можно ли назвать счастливым того, чье потомство презренно?* [3, с. 83, Аристотель]; *Девять десятых нашего счастья основано на здоровье* [3, с. 503, Шопенгауэр]. Примеры можно продолжать до бесконечности, так как человечество не перестает концептуализировать для себя счастье, красоту, судьбу, доброту и т.д. Основу счастья, как видим, древние видели в мудрости, разуме, уме. Приведем отдельные концепты: *Мудр не тот, кто знает много, а тот, чьи знания полезны* [3, с. 54, Эсхил]; *Мудрец избегает всякой крайности* [3, с. 47, Лао-цзы]; *Старайся прежде быть мудрым, а ученым, когда будешь иметь свободное время* [3, с. 52, Пифагор]; *Основа всякой мудрости есть терпение* [3, с. 72, Платон]; *Платон утверждал, что разум – правильная монета* [3, с. 72]; *Разум дороже всех богатств мира* [3, с. 20]; *Тому, кто хорош характером, нравом и поведением, надо благодарить разум* [3, с. 14]; *Любовь, решительность, сомнение, вера, неверие, твердость, нетвердость, стыд, размышление, страх – все это разум* [3, с. 13]. Один из семи мудрецов Фалес из Милета задается вопросом *Что всего мудрее?* И отвечает: *Время, ибо оно одно открывает все* [3, с. 33].

Аристотель концептуализирует ум следующим образом: *Кто проявляет себя в деятельности ума и почитает ум, видимо, устроен наилучшим образом и более всех любезен богам* [3, с. 82].

Глупость и невежество концептуализируется мудрецами крайне отрицательно. Приведем несколько примеров: *Удачливый глупец – большое*

бедствие [3, с. 55, Эсхил]; *Круглое невежество не самое большое зло: накопление плохо усвоенных знаний еще хуже* [3, с. 72, Платон].

Формируя концептуальные картины мира, древние мудрецы постоянно стремились выделить крайне отрицательные и положительные качества человека и концептуализировать их. К примеру, они выделили «пять демонов» – *жадность, злоба, трусость, похоть и неудовлетворенность* [3, с. 44], обратили внимание и на *зависть*, отметив вместе с тем, что *незавидна участь того, кому никто не завидует* [3, с. 54, Эсхил]. Конфуций считал, что пять (обратим внимание на число пять. – С. П.) вещей, которые составляют совершенную добродетель: *серьезность, щедрость души, искренность, усердие и доброта* [3, с. 44]. В качестве основного концепта он выделял *снисходительность* [3, с. 45].

Платон подчеркивал, что непонимание между людьми возникает, когда они принадлежат *альтернативным мирам* (современная терминология): *Когда одни думают так, а другие иначе, тогда уже не бывает общего мнения и непременно каждый презирает другого за его образ мыслей* [3, с. 71].

Следует обратить внимание на то, что, в отличие от более поздних времен, мудрецы влияли на концептуальные картины мира всего человечества. Их концепты относились ко всем без исключения: *С человеком хорошим не бывает ничего плохого ни при жизни, ни после смерти* [3, с. 72, Платон]; *Богатство и знатность не приносят никакого достоинства* [3, с. 73, Сократ]; *Злой человек вредит другим без всякой для себя выгоды* [3, с. 74, Сократ]; *И бедность и богатство – это нарушение меры должного* [3, с. 82, Аристотель]; *Скромность – середина между бесстыдством и стеснительностью; Совесть – это правильный суд доброго человека* [3, с. 83, Аристотель]; *Тот, кто находит удовольствие в уединении, либо дикий зверь, либо бог* [3, с. 84, Аристотель]; *Город – это люди, а не стены* [3, с. 76, Фукидид]; *Я не сумасшедший, просто ум у меня не такой, как у вас* [3, с. 68, Диоген]; *Слово – тень дела* [3, с. 66, Демокрит]; *Если даже ты наедине с собой, не говори и не делай ничего дурного. Учись гораздо более стыдиться самого себя, чем других* [3, с. 65, Демокрит]; *Пьянство – причина слабости и болезненности детей* [3, с. 64, Гиппократ]; *Против злословия клеветника нет лекарства; Умный многому сумеет научиться у врага* [3, с. 60, Аристофан]; *Справедливого человека цени больше, чем родного* [3, с. 58, Антисфен]; *Благодарность – признак благородства души; Если много денег – не радуйся, если мало – не горюй; Злого надо бояться и сторониться; Огонь, женщина и море – три бедствия; Старайся стать разумным, а не богатым; Смотри не на вид мой, а на ум; Одна ласточка весны не делает; По отношению к государству следует держаться как к огню: не слишком близко, чтобы не сгореть, и не слишком далеко, чтобы не замерзнуть; Самая пагубная из страстей – алчность* [3, с. 34-36, Эзоп].

Национальные черты стали концептуализироваться значительно позже. Приведем примеры из А. Шопенгауэра: *В национальном характере мало*

*хороших черт: ведь субъектом его является толпа [3, с. 501]; Немцев упрекают в том, что они всегда подражали во всем французам и англичанам, но забывают, что это самое умное, что они, как нация, могли сделать, потому что собственными силами они бы не произвели ничего дельного и хорошего [3, с. 509]. Можно было бы вспомнить концептуализацию русских и поляков Бердяевым, русских – Чаадаевым и т.д. В настоящее время проблема национально-культурного компонента исключительно актуальна, в эпоху глобализации антонимический концепт *общечеловеческое – национальное* приобретает особое звучание.*

Но вернемся к древности и обратим внимание на концептуализацию семи древних мудрецов (VII в. до н. э.): *Большинство – зло; Когда многие возьмутся за дело, не быть добру; Худших везде большинство; Все свое ношу с собой; Бери убеждением, а не силой; Спешка – знак безумия; Нет стране пользы от правителя, лишеного ума; Причиной любой удачи считай богов, а не себя; О богах говори, что они есть [3, с. 29–30, Биант из Приены]; Ничего не следует делать из-за денег; Что ты обещал – исполняй; Что такое свобода? Чистая совесть; Кто хочет править спокойно, пусть охраняет себя не копьями, а всеобщей любовью [3, с. 30–31, Периандр из Коринфа]; В великих делах всем нравиться нельзя; Начальника, замеченного в пьянстве, наказывать смертью; Прежде чем приказывать, научись повиноваться; От богатства рождается пресыщение, а от пресыщения – наглость [3, с. 31–32, Солон из Афин]; Что трудно? Познать самого себя [Фалес из Миглета]; Труднее всего хранить тайну, не злоупотреблять досугом, терпеть обиду; Золотом испытывают разницу между добрым и недобрым; Языком не опережай мысль; Мертвых не хули, старость чти, береги себя сам; Добродетель заключается в том, чтобы с помощью рассуждений предвидеть будущее; Кто силен, то будь и добр, чтобы тебя уважали, а не боялись; Лучшие то государство, где больше слушают законы, меньше – ораторов [3, с. 33–34, Хилон Спартанский].*

Обратимся также к мудрости Конфуция и Лао-цзы (VI в. до н. э.) и приведем отдельные их концепты: *В стране, где есть порядок, будь смел и в действиях, и в речах. В стране, где нет порядка, будь смел в действиях, но осмотрителен в речах; Глупец жалуется, что люди плохо знают его, а мудрец, наоборот, что он не знает людей; Знать, что нужно сделать, и не сделать этого – худшая трусость; Мы не знаем, что такое жизнь, можем ли мы знать, что такое смерть?; Тот, кто, обращаясь к старому, способен открывать новое, достоин быть учителем; Благородный муж думает о Пути (дао. – С.П.), а не о еде, заботится о Пути и не заботится о бедности [3, с. 42–45, Конфуций]; Беда всего мира происходит из мелочи, как великое дело – из малых; Будьте внимательны к своим мыслям – они начало поступков; Закон достойных – творить добро и не ссориться; Нет большей беды, чем недооценивать противника; Человек следует земле, земля следует небу, небо следует Дао, а Дао следует естественности; Причина того, что*

трудно управлять народом, заключается в том, что народ просвещается и в нем много умных [3, с. 45–48, Лао-цзы].

Древние мудрецы выработали основные принципы и модели концептуализации, которые легли в основу пословичных картин мира, используются до сих пор, но в силу того, что концептуализация субъективна, всегда возможна неожиданная модель. К примеру: *На свете счастья нет, но есть покой и воля* (А.С. Пушкин). В силу этого модели концептуализации не могут иметь конечного списка и не может быть общей методологии их исследования, как бы этого кому-то ни хотелось [4]. Тем нам и интересны отдельные творческие личности, что они постоянно предлагают новые модели концептуализации – концепт ведь, как и текст, имеет n -прочтений и такое же бесконечное количество способов его создания, что понимает каждая творческая личность.

Достоинством древних можно признать и создание формулы $N_1 - N_1$, которая легла в основу концептуальных метафор, как базовых, так и частных. Моделирование текстов концептуальной поэзии в зеркале концептуальной метафоры рассмотрено нами в поэзии И. Бродского [5] и польского поэта Е. Сильвяна [6]. О. Савко рассмотрела такое моделирование по отношению в поэзии Б. Пастернака [7].

Многим концептуальным метафорам посвящены отдельные исследования, в частности метафоре *жизнь (мир) – театр*. Чаще всего эта метафора трактуется со стороны действия на сцене, т. е. *люди – актеры*. Но мы приведем метафору Пифагора (VI в. до н. э.), в которой она рассматривается в контексте зрителей: *Жизнь подобна театру, в ней часто весьма дурные люди занимают наилучшие места* [3, с. 50]. Этот пример ярко выявляет субъективность концептуализации, в том числе и ее альтернативность.

Учитывая исключительное место Пифагора в развитии человечества, обратим внимание и на другие его большие концепты: *Веди жизнь умеренную и трезвую, если желаешь быть независимым* [3, с. 49]; *Если спросят, чт. е. древнее богов, ответствуй: страх и надежда* [3, с. 50]; *Не будь членом ученого общества: самые мудрые, когда они составляют общество, делаются простолюдинами; Не почитай знания заодно с мудростью; Не возведай истину на местах общенародных: народ употребит ее во зло* [3, с. 51]; *Тело свое не делай гробом своей души; Совесть да будет единственным твоим божеством* [3, с. 52].

Когда мы встречаемся с неожиданной и уникальной концептуализацией, это может изменить нашу жизнь, вот почему концептология в наше время получила среди наук очень высокий статус. Неслучайно еще П. Абеляр считал, что именно это прежде всего надо изучать в школе, ибо концептология обращает нас к мудрости. В связи с этим приведем пример концептуальной метафоры А. Шопенгауэра, которая, как он указывает, у него от Вольтера, Юнга, Канта: *Мир есть госпиталь для неизлечимых* [3, с. 506]. И нам понятнее становится произведение А. Чехова «Палата номер шесть».

Фактически мудрецы и выработали основные положения современной концептологии – выявили доминантные концепты, наполнили их концептуальным смыслом, внесли субъективное концептуальное знание, с которым можно соглашаться либо не соглашаться, они сформировали прототипы (в смысле Э. Рош) благородного человека, мудреца, мужчины, женщины, истинного друга, настоящего человека: *Тот настоящий человек, кто сбрасывает подступивший гнев, как змея сбрасывает старую кожу* [3, с. 21]. Они же стали употреблять маркеры прототипов.

При обучении молодежи во всем современном мире учитываются достижения концептологии, обязательно знакомство с мудростью, заключенной как в текстах, так и в невербальном искусстве. Неслучайно во всем мире пишут эссе, в которых в сжатом виде выражается субъективная концептуализация (на соответствие эссе концепту обращал внимание и Ю.С. Степанов).

Книга Ю.С. Степанова «Концепты. Тонкая пленка цивилизации», как и другие его работы, несомненно является серьезным достижением российской концептологии. Вклад российских ученых проанализирован в работе Ю.Е. Прохорова [8], в которой на стр. 20–22 представлена и модель концепта, состоящая из шести фасет: 1) что эт. е.?; 2) единицей чего является; 3) чем выражается; 4) какова его структура; 5) организационно-структурные типы; 6) содержательные типы. В частности, к содержательным типам концептов относятся *культурный концепт* (Воркачев, Карасик, Матвеева), *лингвокультурный концепт* (Карасик, Раппопорт), *когнитивный концепт* (Кубрякова, Попова, Воркачев), *научный концепт* (Матвеева), сюда же автор включает выделенный в 2001 г. А. Вежбицкой *эмоциональный концепт* [8, с. 22]. Белорусским исследователем Н.А. Погребной была защищена в 2006 г. диссертация, в которой она выделила и описала *антонимический концепт*.

В развитие теории концепта как главной единицы гуманитарной науки внесла вклад и проходившая 3–5 декабря 2009 г. в г. Минске в МГЛУ IV Международная научная конференция «Национально-культурный компонент в тексте и языке». Проблемы концептологии, как и следовало ожидать в начале XXI в., оказались в центре внимания участников конференции. Они освещались на пленарном заседании, почти во всех десяти секциях, на специальной секции, посвященной концепту, и отдельном круглом столе «Национальный концепт: отличительные особенности», в работе которого приняли участие 30 человек. Концепт рассматривался как *conceptus* и *conceptum*, исследовались различные способы моделирования концепта. Приведем положение профессора из Тбилиси Ж.А. Вардзелашвили [9, с. 36–39], которая в частности отмечает, что концепт – «это единица ментального лексикона, которая лишь частично эксплицируется в вербальных формах», он «в высшей степени субъективен, поскольку коннотативно-ассоциативный ряд, входящий в его структуру, переживания и чувства, связанные с данным концептом, не могут совпадать у адресанта и адресата даже в пределах одной культуры» [9, с. 37]. Автор обращает внимание на то, что «в реальном

процессе речетворчества говорящий оперирует не только четкими понятиями логики и языковыми значениями, но и “размытыми” образами, “парящими” над словами. Человек мыслит концептами, которые суть квинтэссенция индивидуальных речемыслительных актов» [9, с. 38]. Автор подчеркивает, что концепт – это и «ключевое слово», и «множество языковых единиц, и как любое единство оно выстраивается по законам логики здравого смысла» и представляет собою множество, которое «объединяется на основе некоторого прототипического константного элемента» [9, с. 38]. Ж.А. Вардзелашвили предлагает при анализе концептов выделять и наносемы, которые, по ее мнению, «не всегда доступны стандартной языковой личности, и в ряду сем наиболее зависимы от уровня культуры и свободы интерпретатора» [9, с. 38]. Другими словами, от тезауруса исследователя. Таким образом, по мнению исследователя, концепт, как и любой текст, имеет n-прочтений.

К сожалению, наносемы недоступны не только «стандартной языковой личности», но и отдельным лингвистам. В частности, некоторые утверждают, что и концептология только предполагается в будущем, а это вызывает у них страх перед «эпидемией» когнитивизма [4, с. 62].

Концепт в силу своей предельной субъективности действительно стремится «ускользнуть» от исследователя, так как это симулякр, т. е. не реальность, а ее отражение. Не случайно Ю.Е. Прохоров назвал свое исследование «В поисках концепта» [8]. При этом Юрий Евгеньевич также подчеркивает, что в исследовании концепта проявляются «(и это, безусловно – во-первых!) собственные интеллектуальные возможности автора» [8, с. 159], а также то, что «логика любого исследования подразумевает отсутствие в конце жирной точки – иначе развитие науки уже давно бы остановилось», и это автор предлагает считать «самым главным концептом, к которому и следует приходить в завершение любого научного размышления» [8, с. 161].

Ю.Е. Прохоров считает, что концепт – это 1) симулякр; 2) некоторая совокупность отношений элементов картины мира; 3) он «и всеобщ, и национально и личностно специфичен, что находит свое отражение в выборе языковых средств его реализации» [8, с. 158].

Следует заметить, что в силу этих особенностей концепта странно выглядят требования о какой-то всеобщей методологии [4, с. 62], так как концепт субъективен и его исследование зависит от интеллектуальных возможностей исследователя. Совершенно не случайно Ю.Е. Прохоров считает свое определение концепта только «своим личным» [8, с. 159].

В этом контексте странно выглядит дискуссия о книге Ю.С. Степанова «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» [10]. Должна отметить, что, когда я сдавала статью о концептах в печать, не предполагала никакой «дискуссии» об этой книге. Допускаю, что и доцент С.Н. Зенкин, статья которого помещена в разделе «Библиография» в московском журнале «Новое литературное обозрение», также этого не предполагал.

Доцент Зенкин пренебрег теорией типов текстов дважды. Библиография – это обзор, а не рецензия на книгу о таком сложном явлении,

как концепт. Конечно же, Ю.С. Степанов значительно тоньше и профессиональнее чувствует природу концепта, в силу чего некоторые его утверждения вызывают удивление С.Н. Зенкина (как тут не вспомнить рассуждения древних о мудрецах и немудрецах!). Да и дискурс Ю.С. Степанова сложен в силу своей полифоничности. Удивительно, что С.Н. Зенкин определяет его только как эссе (краткий текст. – *С.П.*), к тому же еще требует дефиниций для неопределяемого с налету объекта, отрицательно оценивая интуицию Ю.С. Степанова и забывая о том, что без интуиции ученый ну никак не состоится. Теплится надежда на то, что когда доцент С.Н. Зенкин станет профессором, он, возможно, поймет, что если даже и «накопал» четыре ошибки или неточности на 248 стр. книги, то некорректно делать семантический вывод о том, что книга дурно вычитана [10, с. 87]. Удивляет, что редколлегия согласна с таким выводом.

Очень печально, что при определенных достижениях белорусских концептологов возможны подобного рода «дискуссии».

В контексте же рассмотренных концептов древних мудрецов можно сделать вывод, что нам есть у кого учиться концептуализации и ее анализу. К концептуализации в древности относились очень серьезно, как она этого и заслуживает. И самое главное – изучение языка без учета концептуализации скорее вредно, чем полезно.

Литература

1. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007. – 248 с.
2. Прохорова С. Концепт – главный объект гуманитарной науки? // Святлана Прохарова. Выбранные працы. Серыя «Моваведы Беларусі». Минск, 2009. – С. 207–215.
3. Энциклопедия мудрости. М., 2009.
4. Мечковская Н.Б. Будущее филологии в век массовой культуры и Интернета // Весн. БДУ. Сер. 4. – 2009. № 2. С. 59–64.
5. Прохорова С.М., Прохорова Т.П. Об одном типе построения художественного текста // Текст и методика его анализа: материалы VII Международной конференции: в 2 ч. Харьков, 1994. Ч. 2. С. 112–116.
6. Прохорова С.М. Концептуальная поэзия как особый тип текста // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы 4 Международной научной конференции: в 2 ч. Минск, 2009. – Ч. 2. С. 259–260.
7. Савко О.В. Моделирование концептов в зеркале концептуальных метафор на материале сборника Б. Пастернака «Сестра моя – жизнь» // Материалы IV Международной научной конференции: в 2 ч. Минск, 2009. – Ч. 2. С. 71–74.
8. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М., 2008.
9. Вардзелашвили Ж.А. Интерпретативное поле концепта как объект наномасштабного анализа // Национально-культурный компонент в тексте и языке. Материалы IV Международной научной конференции. Минск, 2009. – Ч. 1. С. 36–39.
10. Веснік БДУ. Сер. 4. – 2009. № 3. С. 84–88.

